

ВЕСТНИК

ПЕРМСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ФЕВРАЛЬ 2023

РАЗБОР

В Екатеринбурге не прекращаются споры о судьбе бывшего полигона НКВД. Именно там, на 12-м километре Ново-Московского тракта, расстреливали и хоронили репрессированных в годы «Большого террора» – в том числе из Перми. Недавно там были обнаружены новые захоронения. Но власти хотят расширить тракт и увеличить в размерах находящийся поблизости биатлонный комплекс. Общественники опасаются, что строить будут прямо на костях расстрелянных.

ЧТО ИЗВЕСТНО О ПОЛИГОНЕ НКВД

Мемориал жертв политических репрессий на 12-м километре Московского тракта Екатеринбурга расположен на территории бывшего Квашнинского железного рудника. В первые советские годы часть рудника оцепили забором, превратив в «испытательный полигон НКВД». Предположительно он занимал площадь 198 гектаров.

Согласно свежим архивным данным, в годы «Большого террора» в Свердловске (ныне – Екатеринбург) были убиты не менее 22 тысяч человек. В том числе не менее 7474 репрессированных из Пермской области (она входила тогда в состав «большой» Свердловской области). Массовые захоронения происходили именно здесь, на полигоне. Однако на этом месте долгое время отсутствовали опознавательные знаки. В качестве могил часто использовались шурфы, выкопанные ещё до 1917 года. Документальный план захоронений до сих пор не обнаружен.

В 1990 году Свердловский горисполком принял решение признать это место «официальным кладбищем». В 1991 году прокуратура Свердловской области провела выборочную эксгумацию тел. Тогда нашли останки 31 человека, с отчетливыми пулевыми ранениями в голову, они были перезахоронены. В 1996 году здесь открыли первую очередь мемориала. А в 2017 году установили «Маски скорби» работы Эрнста Неизвестного.

Родственники репрессированных около памятного креста на мемориале жертв политических репрессий

ФОТО: ДМИТРИЙ ОКУНЦЕВ

«ВЫЗЫВАЕТ ВОЗМУЩЕНИЕ И БЕСПОКОЙСТВО»

КАК НАШЛИ НОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Первый и последний раз раскопки на полигоне НКВД проходили в августе 1990 года. В районе нынешнего мемориального комплекса сотрудники службы городских кладбищ нашли человеческие кости и черепа со следами от пуль. Тогда же исследователи предположили, что полигон с захоронениями занимает площадь 75 гектаров, хотя никаких фактических подтверждений этому не было.

В 2019–2020 годах Музей истории Екатеринбурга, в чьем ведении находится мемориальный комплекс, подключил к работе известного и авторитетного уральского археолога Сергея Погорелова, который в ходе своих полевых исследований выделил две

зоны массовых захоронений – Северную и Южную. Северная прилегает к Ново-Московскому тракту, Южная расположена вокруг нынешнего мемориала, где, как счел Сергей Погорелов, расположены ямы для массовых захоронений.

В 2022 году уже другие археологи Музея истории Екатеринбурга на грант от областного правительства заново обследовали территорию Южной зоны полигона. Целей у них было три: первая – установить и доказать факт массовых захоронений вокруг мемориала. Вторая – очертить эту территорию. Третья – по возможности точно определить тип и количество могильных ям, в которых хоронились расстрелянные.

Во время раскопок впервые зафиксирован и картографирован периметр испытательного полигона НКВД – его площадь составляла 198 га. Но археологи сделали шурфы в районе лишь 25 из них, на которых смогли найти 52 братские могилы с телами около двух тысяч человек. Судя по найденной одежде, расстрелы проводились круглогодично.

Было установлено, что останки относятся к жертвам репрессий. Об этом говорит характер травм: почти во всех найденных черепах в области затылка есть входные отверстия от пулевых ранений. А на некоторых – встречаются следы от двух-трех выстрелов.

ПОЧЕМУ ЖЕ ПРАВОЗАЩИТНИКИ НЕДОВОЛЬНЫ РЕЗУЛЬТАТАМИ РАСКОПОК

Результатами раскопок, которые провел Музей истории Екатеринбурга, были довольны не все. Члены «Уральского Мемориала»* уверены, что была сделана лишь малая часть работ. Раскопки проводились не на всей площади полигона, которая достигает 198 гектаров.

НОВОСТИ

10 МАРТА СОСТОИТСЯ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ ПЕРМСКОГО ЦЕНТРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

На собрании предполагается обсудить итоги работы новой общественной организации за последний год, принять в неё новых членов, провести перевыборы в руководстве организации, обсудить ряд важных стратегических решений по её работе в ближайшей перспективе.

Пермская региональная благотворительная общественная организация «Центр исторической памяти» была зарегистрирована в апреле прошлого года. Ее работа направлена на тех, кто интересуется темой политических репрессий советского периода, занимается поиском репрессированных родственников и хочет больше узнать об истории репрессий в Прикамье. Она также направлена на оказание социальной и правовой помощи всем пострадавшим от произвола властей как в советское, так и в постсоветское время.

Подробности об участии в такой встрече можно получить по телефону: (342)281-95-59. А итоги этого собрания будут опубликованы в нашем следующем, мартовском выпуске информационного бюллетеня.

ПРОДОЛЖАЕТ СВОЮ РАБОТУ ПРАВОЗАЩИТНАЯ ПРИЕМНАЯ

Правозащитная приемная начала свою работу в Центре исторической памяти в октябре прошлого года.

Правозащитники консультируют, составляют жалобы, заявления и обращения в инстанции и сопровождают их в судах.

Очный прием проводится каждую среду с 18:00 до 20:00 в офисе Центра исторической памяти (ул. Крупской, 40). Также можно позвонить и договориться об очном приёме или дистанционной консультации по телефону +7 (342) 282-54-42 или написать на электронную почту histmemory59@gmail.com

СКРИНШОТ GOOGLE MAPS

Окончание на стр. 2

РАЗБОР

Окончание. Начало на стр. 1.

При этом глава «Уральского Мемориала»* Алексей Мосин утверждает, что археологи проводили раскопки с грубыми нарушениями, из-за чего останки могли быть повреждены. А главное – правозащитники опасаются, что, основываясь на этих раскопках, власти дадут охранный статус лишь небольшому и исследуемому сейчас участку захоронений, а на всем остальном пространстве разрешат строить дороги и спортивные объекты.

О том, что такая угроза есть, говорилось в конце прошлого года на заседании комиссии Свердловской области по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, где еще раз обсуждалась необходимость создания четких границ Музейно-мемориального комплекса памяти жертв политических репрессий и установки новых плит с именами вновь выявленных имен расстрелянных.

Требование установить четкие границы продиктовано планами властей Свердловской области расширить Ново-Московский тракт с нынешних четырех до шести полос и построить новый биатлонный комплекс. Члены «Уральского Мемориала»* считают, что этого допустить нельзя – строительство на бывшем полигоне НКВД приведет к прямому вандализму.

ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО ДЛЯ ПЕРМЯКОВ

Официально признано, что на «12 километре» покоятся останки не менее 7474 наших земляков, которые были расстреляны в годы «Большого террора». Все эти люди были позднее официально реабилитированы как жертвы необоснованных и массовых политических репрессий. Они ни в чем не были виноваты, это доказано и признано. Поэтому это место важно для пермяков, объясняет экс-председатель Пермского «Мемориала»** Роберт Латыпов, который входит в Межрегиональный общественный совет по развитию Музейно-мемориального комплекса памяти жертв политических репрессий:

— Поскольку Пермская область тогда входила в состав Свердловской, то по приказу НКВД приговоренных должны были отвозить в областной центр и там приводить смертные приговоры в исполнение. Я и мои коллеги не уверены, что именно там были расстреляны и похоронены все репрессированные пермяки. Тем не менее официально считается, что расстрелянные похоронены именно там.

Ранее считалось, что на «12 километре», по имевшимся архивным данным, должны лежать тела 18,5 тыс. расстрелянных. Сейчас речь идет уже о не менее 22 тысячах. Людей хоронили в братских могилах и траншеях. Музейно-мемориальный комплекс памяти жертв поли-

«ВЫЗЫВАЕТ ВОЗМУЩЕНИЕ И БЕСПОКОЙСТВО»

тических репрессий охватывает не все захоронения, а только малую его часть. Другие захоронения находятся в Южной и Северной части.

Последняя находится у Ново-Московского тракта и за ним. К сожалению, она не была обследована археологами в прошлом году. Сейчас трассу, которая соединяет Пермь с Екатеринбургом, планируют расширить с четырех до шести полос. Хотя уже в 1974 году при строительстве этой же дороги были обнаружены человеческие останки. А значит, при расширении трассы неизбежно будут затронуты и иные братские могилы. При строительстве может произойти вандализм. Археологи, которые работали в 2022 году, обнаружили захоронения лишь в одной части, около спортивного комплекса «Динамо».

При этом никаких запретов или специальных указаний на запрещение строительных работ на Ново-Московском тракте не было, а они уже начались. Также не было указаний на то, чтобы было заморожено строительство спортивного комплекса «Динамо». Все это вызывает большую озабоченность, потому что все происходит кулуарно и мы никак не можем повлиять на ситуацию и получить вразумительные ответы.

ных и мемориальный крест. Не работает инфраструктура – нет элементарных туалетов и помещений для отдыха. Туда нельзя добраться на рейсовом автобусе, хотя это часть города, только на такси.

Поскольку дело касается памяти и пермяков, наши городские и краевые власти должны выяснить, насколько администрация Свердловской области готова обеспечить сохранность захоронений на «12 километре». И обязательно об этом рассказать пермской общественности и родственникам погибших. Мы направим соответствующие вопросы пермским властям.

Вопрос сохранения мемориала должен быть рассмотрен и на заседании краевой Комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий. При этом не формально, как это сейчас происходит, а с предельной внимательностью и требовательностью к самим же себе. Нужно организовать выезд пермских властей на «12 километр» и встречу с местными чиновниками, выяснить, как

осуществляется благоустройство памятника, почему сейчас он находится в таком неудовлетворительном состоянии. Что вообще происходит?

И наконец, выяснить, как осуществляется работа по увековечиванию имен, которые ранее не были обозначены на мемориальных плитах комплекса. На протяжении двадцати лет Пермский «Мемориал»** организовывал совместно с краевыми властями экскурсионные поездки для пермяков на «12 километр», чьи родственники там были убиты и похоронены. Но некоторые из приезжающих туда не могли найти на табличках имен своих близких. Мы уже давно выяснили, что имена расстрелянных были установлены на пилонах до 2003 года. Но реабилитация-то продолжалась и позднее. Поэтому на пилонах, по моим предположениям, не хватает около 200 имен, и это только пермяков.

Три года назад в краевой администрации меня заверили, что, как только станут известны все их имена, будут заказаны плиты на Нижнетагильском металлургическом комбинате. Специалисты краевого архива нашли следственные дела пермяков в архиве Свердловской области (эти дела по каким-то причинам не были переданы в пермский архив в 1990-е годы) и выяснили, что, действительно, ряд имен земляков не указаны на плитах. Их списки должны были передать в администрацию. Но, насколько мне известно, так ничего сделано не было.

Как это всё согласуется с продекларированной на самом высоком уровне государственной политикой по увековечению памяти жертв террора, судить вам.

* «Уральский Мемориал» – организация была внесена Минюстом в реестр «иноагентов»

** Пермский «Мемориал» – организация была ликвидирована Минюстом

ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Владимиру Хомустенко 82 года. Сын репрессированных родителей, он вот уже 15 лет возглавляет Чайковский филиал сначала Пермского «Мемориала», а сейчас Центра исторической памяти. Мы поговорили с Владимиром Федоровичем о его семье, детстве в спецпоселке и о том, как сегодня живут потомки репрессированных в самом молодом городе края.

«ИЗ НКВД ПРИШЛИ НОЧЬЮ, ВЕЩИ ВЗЯТЬ НЕ РАЗРЕШИЛИ»

— Семейку маму выслали с родителями еще в 1930 году из Витебской области на Урал. Дед мой, когда началась коллективизация, в колхоз вступить отказался. Жил одиночно. У семьи были две коровы, лошадь и молотилка. По 58 статье его выслали на Урал, а позже — его семью.

Маме Марии Никитичне Шугалей было 17 лет, ее сестрам по 3 и 5 лет, брату — 10. Ночью 1932 года к ним пришли из НКВД, вещи с собой взять не разрешили, на подводах увезли на станцию Чашники. На станции, как со слезами на глазах вспоминала мама, стоял сплошной рёв и вой. Их посадили в товарный вагон и привезли в Пермь, а потом на барже по Каме — до Красновишерского района.

После такого путешествия многих из баржи выносили уже мёртвыми. Высадили этап на безлюдном берегу, где ничего не было. Мужчин оставили строить жилье, а женщин отправили в колхозы. В то время силами политзаключенных строился Красновишерский бумажный комбинат. Их надо было чем-то кормить. Мама работала в свиноводстве колхоза Усть-Язьева.

Люди были полностью отрезаны от внешнего мира. До ближайшего населенного пункта — одна дорога через лес и сплошные болота, а зимой — непроходимые сугробы. Если кто пытался покинуть посёлок, его тут же легко ловили и наказывали... Жили в бараках, которые плохо отапливались. Спали на нарах, вместо матрасов мешки, набитые травой.

«УМИРАЛИ СТРАШНО»

Родители мамы умерли через три года. Умирали страшно. Бабушка пошла за пайкой хлеба, по дороге упала и больше не встала. Моей маме было тогда двадцать лет. Все тяготы по воспитанию младших сестёр и брата легли на её плечи.

В Москве жил ещё один брат, старший, Филипп. Она каким-то образом сумела сообщить ему о смерти родителей.

«ВETERАНЫ ДУМАЛИ — ЭТО ВТОРАЯ ВОЛНА РЕПРЕССИЙ»

лей. Филипп приехал в посёлок и добился, чтобы ему отдали маленьких сестрёнок.

Мама осталась с младшим братом. В 1938 году, когда он уже работал на конюшне шорником, ремонтировал сбрую, его в возрасте 14 лет арестовали за «контрреволюцию». Обвинили в том, что забивал гвозди в копыта лошадей, чтобы они не могли работать... Лес в основном вывозили на лошадях, машин-то не было. Лошадки не справлялись, но они не могли работать не потому, что кто-то забивал им гвозди в копыта, а потому что их ноги были надорваны непосильной работой. Но кто будет разбираться?

Брата арестовали. Дальнейшая судьба его оставалась неизвестной многие годы. Только после войны Филипп разыскал его следы: оказывается, он ушёл из лагеря добровольцем на фронт, погиб во время боёв на Украине в 1943 году, похоронен в братской могиле.

Семью отца Федора Петровича Хомустенко выслали из Ростовской области в 1931 году. Их везли в товарном вагоне до Соликамска, а оттуда шли этапом 100 км до Красновишерска. Многие этой дороги не выдержали, в том числе и родители отца — мои бабушка и дедушка. До сих пор неизвестно даже место их захоронения.

Папе было двадцать лет. В спецпоселке Данилов Луг он познакомился с мамой, в 1940 году родился я. В моем свидетельстве о рождении написано «Поселковая спецкомендатура Данилов Луг».

«МАМА ОСТАВЛЯЛА МЕНЯ ОДНОГО С ПАЙКОЙ ХЛЕБА И УХОДИЛА НА РАБОТУ»

Для работы Красновишерского бумкомбината требовался лес, нужно было много рабочей силы. Отец работал на лесоповале с раннего утра до позднего вечера.

В начале войны папу забрали в трудовую армию в город Котлас Архангельской области. Там тоже был лагерь под комендатурой, условия не лучше, чем в обычном спецпосёлке. Поднимали в пять утра, привозили в барак поздно вечером. Работали на лесозаготовках, на погрузке вагонов. Лес отправляли на фронт. По рассказам отца, труд там был каторжный, многие просились на фронт, но их не отпускали — боялись, что перейдут на сторону врага. Многие из трудармии не вернулись. Работал он там до 1947 года.

Мама жила в спецпоселке и тоже работала. Там не было ни яслей, ни детского сада. Она оставляла меня одного с пайкой хлеба и уходила на работу. Иногда просила присматривать за мной соседей. Пайку хлеба благодаря «соседскому пригляду» я порой вообще не видел, так как у них дети тоже были голодные.

Я всегда с нетерпением ждал маму с работы, чтобы она хоть чем-то меня покормила. Один раз я ей похвастался, что меня соседи угостили конфетами в обмен на пайку хлеба, но я попробовал, не понравился. Когда я показал маме эти «конфеты», она заплакала: это были козьи «орешки». Я никогда не видел в детстве конфет, не знал их вкуса.

Так продолжалось семь лет. И все это время я был под надзором спецкомендатуры.

«СОСТОЯЛ НА УЧЕТЕ ОРГАНОВ ДО 1989 ГОДА»

В 1947 году отец вернулся из трудармии, нас реабилитировали. Семья решила остаться в спецпоселке, потому что

возвращаться было некуда. Жизнь была тяжелая. Отец и мама работали на лесозаготовках. Нам выделили домик, который, кстати, дожил до наших дней. В нем я прожил до 1989 года.

Здоровье отца было подорвано, он тяжело заболел и в 1960 году в пятидесятилетнем возрасте умер. Мама со всеми детьми осталась одна. Я помогал ей воспитывать брата и сестер. Времени на личную жизнь не было.

После школы я окончил училище по специальности «судовой механик». Сначала служил матросом, потом механиком и капитаном. С 1971 года, после окончания Пермского политехнического института, работал в Усть-Язвинском рейде главным энергетиком.

У меня в Таллине жила тетя. И я попытался попасть в тамошний рыболовецкий флот. Но райком партии мне направление туда не выдал. В 1988 году, как хорошему работнику, мне дали путевку в круиз по Средиземному морю. Процедуру согласования в райкоме партии я проходил тяжело, потому что круиз предполагал посещение капиталистических стран. И хотя я был реабилитирован, я состоял на учете.

С первого раза я согласование в райкоме не прошел, путевку мне дали только во второй год. Вместе со мной в круиз поехал председатель горисполкома. Через несколько лет он признался, что ему было сказано за мной следить, чтобы я не совершал «каких-либо действий».

Окончание на стр. 4

ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Окончание. Начало на стр. 3.

«НАША ЗАДАЧА – СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НЕВИННЫХ ЖЕРТВАХ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА»

В 1989 году я переехал в Чайковский. Однажды в соцзащите я спросил, есть ли в городе организация, которая занимается поддержкой репрессированных. Так я стал членом Чайковского отделения «Мемориала»**. Тогда это была отдельная общественная организация.

В 2006 году, когда начались гонения на Московский «Мемориал»**, Александр Калих предложил нам закрыть организацию и стать филиалом Пермского «Мемориала»*. На следующий год меня выбрали председателем нашего филиала. Мы занимаемся восстановлением исторической правды и сохранением памяти о невинных жертвах сталинского режима.

Город Чайковский – молодой, был построен в 1977 году. Поэтому большинство потомков репрессированных приехали из разных территорий края и страны. В организации состояло 360 человек, а сейчас – 127. Средний возраст – от 75 до 95 лет. Среди членов Чайковского филиала Центра исторической памяти есть и поволжские немцы, которых выслали на Урал и реабили-

«ВETERАНЫ ДУМАЛИ – ЭТО ВТОРАЯ ВОЛНА РЕПРЕССИЙ»

Родители Федор Петрович
и Мария Никитична Хомустенко

ровали в пятидесятых годах. Они помоложе – до 70 лет.

В прошлом году 29 октября мы провели панихиду в Свято-Троицком храме и чаепитие в Воскресной школе при храме. 30 октября онлайн участвовали в акции «Возвращение имен». За читали имена репрессированных из деревни Чумна бывшего Фокинского района. Там в 1930 году по так называемому «Чумнинскому делу» был арестован 41 крестьянин. Половину из них, которые вели единоличное хозяйство, расстреляли. В наших планах установить там мемориальный знак.

«В УЧЕБНИКАХ ВСЕ МЕНЬШЕ ПИШУТ О СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ»

Мы также провели «Уроки памяти» в трех общеобразовательных школах и в Индустриальном колледже. К сожалению, те жители Чайковского, кто сидел в лагерях, уже ушли из жизни. Но наша организация успела записать их воспоминания, которыми мы всегда с удовольствием делимся со школьниками и студентами.

В Чайковском памятников и мемориальных знаков по нашей теме нет. Но за городом, в Воткинском районе, есть памятник «Арестантская грань». Во время войны там был лагерь политзаключенных, которые заготавливали лес для Воткинского машзавода. От лагеря ничего не осталось. Но на месте его поставили памятник. Правительство Удмуртской Республики его содержит, местные школьники его посещают.

Учащиеся нашей чайковской школы №2 проводят экспедиции туда, исследуют архивы и беседуют с местными жителями об этом лагере. Почему им это интересно? Думаю, все зависит от педагогов, которые зажигают ребят на то, чтобы они больше узнавали об истории своего района, ведь в учебниках о сталинских репрессиях все меньше пишут. А так они общаются с ветерана-

Владимир Хомустенко
устанавливает памятную
табличку во время экспедиции
«По рекам памяти»

ми и узнают о том, что было, из первых рук.

Сегодня вести работу мне помогают Нина Фридебертовна Кузина, Зинаида Андреевна Лузина, Нина Павловна Булдакова, Любовь Васильевна Анохина, Елена Игоревна Паздерина, Анна Васильевна Вяткина.

Первым моим помощником была моя супруга Любовь Ивановна Хомустенко. Когда мы с ней познакомились, она не знала, что я из семьи репрессированных. А когда узнала, стала мне помогать. Вместе со мной она работала в архивах и искала информацию по «Чумнинскому делу». В 2021 году она скончалась от последствий ковида.

Когда Международный «Мемориал»** российские власти ликвидировали, для нас это был шок! Наши ветераны думали – это вторая волна репрессий. Люди надеялись, что пермский не тронут. Но и его

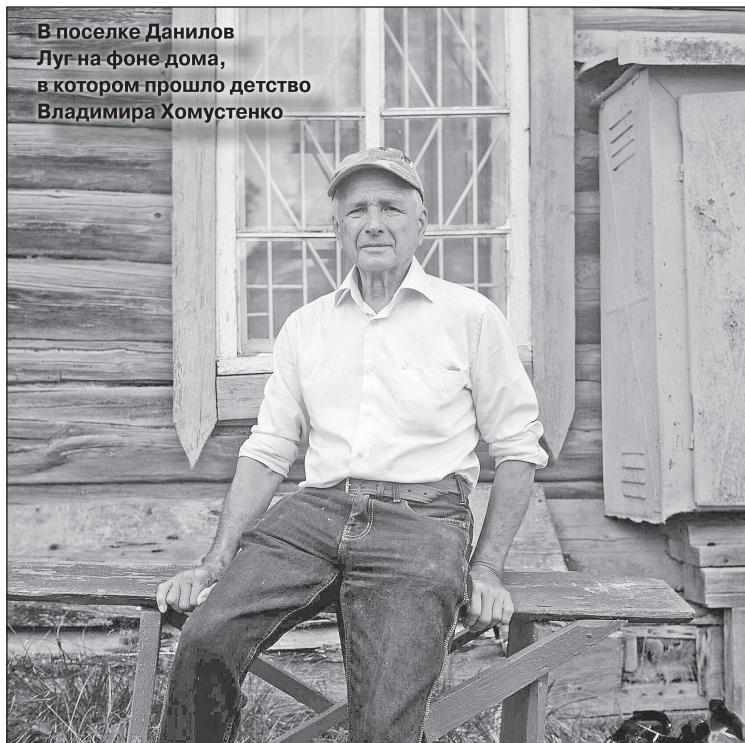
тоже ликвидировали. Ветераны опасались, что с них могут снять льготы. Но я их успокоил и сказал, что будет создана новая организация – Центр исторической памяти.

В прошлом году я был в экспедиции «По рекам памяти», принимал участие в установке мемориальных знаков на севере Пермского края, где в годы репрессий было расположено много лагерей для политзаключенных. В том числе мы посетили Красновишерский район. В поселке Данилов Луг я увидел дом, в котором родился и вырос.

В этом году я вновь хочу принять участие в экспедиции Центра исторической памяти.

* Пермский «Мемориал» – организация ликвидирована Минюстом.

**Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество „Мемориал“» ликвидирована по решению Верховного суда РФ. Ранее была объявлена в России «иностранным агентом».

В поселке Данилов
Луг на фоне дома,
в котором прошло детство
Владимира Хомустенко

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Правление Центра исторической памяти поздравляет юбиляров – бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты.

В феврале 70 лет отпраздновали **Вера Адамовна Калинин** из Лысьвенского филиала и **Владимир Пантелевич Власенко** из Кировского района Перми.

Елена Федоровна Карцева из Лысьвенского и **Василий Иванович Аликин** из Полазненского филиалов отметили 75-летие.

80 лет исполнилось **Любови Гавриловне Ланских** из Индустриального района Перми, а 85 лет – **Владимиру Андреевичу Тетюеву** из Лысьвенского филиала.

90 лет отметили **Софья Федоровна Блинова**, **Елена Федоровна Пискунова**, **Нина Андреевна Муромцева** из

Ленинского района и **Лариса Федоровна Горбач** из Индустриального района Перми.

Мария Никифоровна Блинова из Верещагинского филиала отпраздновала 95 лет.

Здоровья вам, дорогие ветераны!